

ЯЗЫК . СЕМИОТИКА . КУЛЬТУРА

Е. В. Падучева

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Семантика времени и вида
в русском языке

*

Семантика нарратива

Школа
«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»

МОСКВА
1996

ББК 81
П16

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
согласно проекту 95-06-18670*

Падучева Е. В.

- П16 Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива).— М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. — 464 с.
ISBN 5-88766-046-5

Изучаются возможности описания русского вида и времени с использованием понятия точки отсчета, противопоставленной моменту речи. Вводится понятие эгоцентрического элемента, которое позволяет представить пространственно-временной дейксис и субъективную модальность как единую область, подлежащую ведению лингвистической прагматики. Сравняются речевой и нарративный режимы интерпретации эгоцентрических элементов. Предлагается лингвистически обоснованная типология повествовательных форм, базирующаяся на противопоставлении первичных и вторичных эгоцентриков.

ББК 81

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.msk.su) the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: helle_d@danadata.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства Школа «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-88766-046-5

© Е.В.Падучева, 1996
© А.Д.Кошелев. Серия
«Язык. Семиотика. Культура», 1995
© В.П.Коршунов. Оформление серии, 1995

ВСТУПЛЕНИЕ

Настоящая книга состоит из двух частей. Часть I посвящена грамматической семантике: в ней объединены в одно целое работы автора по русской аспектологии и семантике времени, писавшиеся на протяжении более десятка лет. Это исследование пока не может считаться завершённым: если категорию времени можно описать в чисто грамматических терминах, то исчерпывающее описание семантики вида требует широко-масштабного изучения лексической семантики глагола, которое нельзя завершить в обозримом будущем. Одна из задач данной работы состояла в том, чтобы изложить теоретические предпосылки будущих лексикографических исследований.

Хочется назвать несколько наиболее ярких событий и имен, которые послужили стимулирующими импульсами для нашей работы в области аспектологии.

Первым стимулом явилось введенное Г. Рейхенбахом — и ставшее сейчас широко популярным — понятие точки отсчета, которое использовалось при описании семантики перфектных временных форм разных языков, но не было опробовано на русском материале. Оказалось, что это понятие с успехом применимо к русскому виду. Более того, абстрактному и не вполне однозначному рейхенбаховскому понятию точки отсчета оказалось возможно приписать прагматически конкретную интерпретацию, связав точку отсчета с фигурой наблюдателя, которая была обоснована, независимым образом, в работе Ю. Д. Апресяна (1986а), посвященной дейксису.

Другим важным фактором, на долгие годы определившим развитие русской аспектологии, явилась, конечно, работа Ю. С. Маслова (Маслов 1948), в которой был обоснован тезис о принципиальной связи семантики видовой формы с лексической семантикой глагола и намечена семантическая классификация глаголов, позволяющая делать семантические предсказания о неполноте видовой парадигмы глагола (т. е. об отсутствии форм противоположного вида), а также о функциональной неполноте парадигмы — отсутствии тех или иных частновидовых значений. Тем самым в русистике были заложены — задолго до появившейся в 1967 году влиятельной работы Вендлера — основы глагольной таксономии, определяющей взаимодействие грамматической и лексической аспектуальности.

Метод толкований, которым широко пользуется современная семантика, как лексическая, так и грамматическая, был впервые блистательно применен к описанию семантики глагольного вида Анной Вежицкой в 1967 году. Можно только удивляться, что из всех грамматических категорий именно вид, с его запатентованной сложностью, послужил первым полигоном для отлаживания техники толкования грамматических значений¹.

Наконец, последним из "краеугольных камней", на которых основывается предлагаемая концепция семантики времени и вида, является введенное Бенвенистом разграничение двух планов употребления языка — плана речи (*plan de discours*) и плана повествования (*plan de récit*). Это разграничение позволяет выявить функциональные различия в употреблении видо-временных форм, обусловленные типом коммуникативной ситуации. Отсюда переход от собственно лингвистической проблематики к семантике и теории нарратива, которой посвящена II часть книги.

Работы, составившие часть I, в основном, публиковались ранее (каждая глава снабжена библиографическим примечанием, в котором оговаривается ее соотношение с первой публикацией). При перепечатке была внесена небольшая редакционная правка, устранены некоторые наиболее очевидные повторы. Полностью устранить повторения все-таки не удалось — работы тематически связаны друг с другом, но были написаны в свое время как независимые одна от другой. Повторяются из главы в главу некоторые примеры — это сделано сознательно, в тех случаях, когда пример иллюстрирует какой-то один и тот же аспект проблемы.

Главы 1—5 части I посвящены проблеме инварианта частных видовых значений, т. е. синтагматике вида: употребление видовой формы в разных контекстах, с упором на обусловленность значения контекстом с целью выявления инварианта, независимого от контекста. Главы 6—10 развивают масловскую проблематику — вид и лексика: варьирование основного значения сов. и несов. вида, обусловленное лексическим значением глагола. Задача этих глав — утвердить в правах понятие таксономической категории, которое, на наш взгляд играет такую же важную роль в семантике, как часть речи — в грамматике. В двух последних главах намечается выход за пределы видовой формы — видовое противопоставление рассматривается в контексте предложения, в плане сочетаемости видо-временной формы с показателями времени (глава 11) и количества (глава 12)².

Напротив, часть II не является собранием статей, а написана, как целое, в относительно короткий срок. Основные положения, которые легли в основу части II, были изложены ранее в статьях Падучева 1989б, Падучева 1991а, Падучева 1993. Некоторые разделы, впрочем, основываются на

¹ В дальнейшем описание семантики видовых форм методом толкований было продолжено в работе Гловинская 1982.

² В книге принят следующий способ отсылок к ее частям, главам и разделам. Главой II.5 называется глава 5 части II; при отсылке к другой главе той же части номер части обычно не указывается. Разделом 5.3 называется раздел 3 главы 5; при отсылке к разделу внутри главы не указывается номер главы.

чева 1991а, Падучева 1993. Некоторые разделы, впрочем, основываются на материале, опубликованном ранее. В главе II.2 используется материал монографии Падучева 1985а, в разделе 7 этой главы — статья Падучева 1983, а также написанные автором разделы из предисловия к сборнику "Новое в зарубежной лингвистике", вып. XVI. Разделы 1–3 главы II.5 представляют собой переработанный вариант статьи Падучева 1990. Глава II.6 написана в соавторстве с Анной А. Зализняк, см. нашу публикацию Зализняк, Падучева 1987.

Автор благодарен членам семинара на Кафедре славянских языков и литератур Берклийского университета Калифорнии (весна 1994 года) за участие в обсуждении проблем лингвистики повествовательных форм, а также профессору Алану Тимберлейку, который подал автору идею этого семинара. Искренняя благодарность — моему учителю Вячеславу Всеволодовичу Иванову, без которого работа о семантике нарратива не была бы и начата.

Автор пользуется также случаем выразить благодарность своим коллегам и помощникам — Нине Монашировне Якубовой за помощь в редактировании I части книги и Ольге Николаевне Ляшевской за участие в компьютерном наборе и за составление указателя. Неоценимую помощь автору в работе над книгой оказал Сергей Александрович Крылов — ее первый читатель, сочувственный критик и редактор. Он предложил ряд литературных примеров и дал ценные библиографические справки.

Глава I

Часть I

СЕМАНТИКА ВИДА И ТОЧКА ОТЧЕТА

СЕМАНТИКА ВРЕМЕНИ И ВИДА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. В раск... значении

В семантике времени и вида в русском языке...
...успех в...
...Ю. С. Мака...
...граммат...
...метод толкований...
...1967 году...
...исследования...

...1980, 1985...
...1982, 1983...
...помощью...

...частей...
...применя...

...время...
...записывают...

...время...
...приход...
...высказаний...
...и высказан...
...состав...
...предложения...
...предложения...

Рисунки 1

СЕРВИСНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ ОБСЛУЖИВАНИЮ

Глава 1

СЕМАНТИКА ВИДА И ТОЧКА ОТСЧЕТА*

1. В поисках инварианта видового значения

В семантике славянского вида, которая была заманчивой загадкой для многих поколений лингвистов (см. Виноградов 1947 с обширной библиографией), в последние годы был достигнут значительный успех по двум направлениям. Одно из них, начатое еще работой Ю. С. Маслова (1948), связано с осознанием принципиальной обусловленности грамматического значения вида лексической семантикой глагола; другое — с применением к описанию грамматических единиц метода толкований (впервые использованного при описании славянского вида в 1967 году Анной Вежибцкой, см. Wierzbicka 1967): толкования позволяют исчерпывающим образом охарактеризовать вклад граммы вида в смысл предложения.

Описание семантики видовых противопоставлений русского глагола методом толкований — в работах Ю. Д. Апресяна (1980а, 1985б) и в особенности М. Я. Гловинской (1982, 1983) — дало возможность:

— получить более полный набор так называемых частных видовых значений каждой из видовых граммем;

— обнаружить необычайное разнообразие содержания видовых противопоставлений в разных лексических классах глаголов и зафиксировать большое число таких аспектуально значимых лексических классов.

Описание семантики языковых единиц (как граммем, так и лексем или синтаксических конструкций) методом толкований при всех его преимуществах имеет, однако, одно нежелательное последствие: изолированное толкование каждого отдельного значения, в том числе и контекстно обусловленного, приводит к тому, что значение единицы, которое до начала анализа интуитивно воспринималось как "одно и то же", превращается в список различных. Разумеется, можно сказать, что до выявления всех

* Опубликовано в: Известия АН СССР, Серия лит-ры и языка, т. 45, 1986, № 5.

подлинных значений наше наивное представление о единстве значения было просто неверным. Было бы лучше, однако, если бы удалось после установления множественности значений все-таки показать, на чем основывалось представление о его единстве. В работе ставится задача вернуть единство значения граммеме несовершенного вида (НСВ).

Известны два способа восстановления единства языковой единицы, утрачиваемого при семантическом анализе, — выявление смыслового инварианта по Р. Якобсону и выделение первичного, основного значения (с указанием условий его превращения во вторичные, производные) по Е. Куриловичу. В данном случае, как оказывается, эти способы почти эквивалентны: основное значение НСВ присутствует в качестве инвариантного компонента во всех других "частных" значениях.

Ниже следует суммарный перечень частных видовых значений НСВ (по работам Гловинская 1982, Бондарко, Буланин 1967, Рассудова 1968, Маслов 1984, Forsyth 1970; многие примеры взяты из указанных работ).

Группа I. 1. Актуально-длительное (действие, процесс или состояние длится в момент наблюдения; в Бондарко, Буланин 1967 это значение называется конкретно-процессным): *Однажды летним утром они подходили к проходной; Не мешай, я работаю.*

2. Континуальное (т. е. просто длящееся): *Она работает в университете; Иван выращивает новый сорт пшеницы.*

3. Постоянно-непрерывное (глагол НСВ обозначает постоянное свойство или соотношение): *Окна гостиницы выходят на юг.*

Группа II. 1. Узуальное (значение узуально повторяющегося действия или события): *Каждое утро он открывает окно.*

2. Потенциальное: *Хороший был слесарь: любые замки открывал.*

3. Многократное (но не узуальное и не потенциальное): *Зачем ты каждую минуту открывал окно?; Я два раза открывал окно.*

Группа III. 1. Общефактическое непредельное (значение прекратившегося состояния или непредельного процесса): *Где мои ключи? Они лежали на столе.*

2. Общефактическое результативное (действие достигло предела): *Я их однажды на Фонтанку подвозил; Я вас предупреждал; Он показывал мне ее фотографию.*

3. Общефактическое двунаправленное (результат был достигнут, но аннулирован противоположно направленным действием): *К тебе кто-то приходил (= 'пришел и ушел'); Ты открывал окно?*

4. Общефактическое нерезультативное (действие не достигло предела): *Я умолял ее вернуться; Я много раз его уговаривал. Ср. значение безуспешной попытки у НСВ объяснял в контексте Объяснял, да не объяснил.*

5. Дуративное (в контексте обстоятельства длительности, см. Timberlake 1985a): *Они гуляли всю ночь.*

Можно показать, что все перечисленные значения производны от первичного, актуально-длительного, в следующем смысле слова "производность". Каждое из частных значений НСВ требует для своей реализа-

ции того или иного контекста. Как пишет про частные видовые значения А. В. Бондарко, это "значения, выражаемые <...> видом в сочетании с контекстом" (Грамматика 1980, т. 1: 604). Для актуально-длительного значения этот контекст минимальный, и в этом смысле оно является первичным. Для остальных значений толкование получается из толкования первичного значения как следствие изменения контекста. Иначе говоря, вторичные значения могут быть представлены как результат пополнения собственного значения граммы НСВ (первичное значение минус контекст первичного значения) за счет информации, заключенной в контексте. В этом семантическом выводе могут принимать участие общие законы прагматики (представленные в работе Грайс 1985 в виде постулатов речевого общения).

Описание частных значений языковых единиц в их связях друг с другом позволяет не только приписать тексту адекватное представление его смысла, но и раскрыть природу тех механизмов, которыми пользуется человек при понимании текста. Кроме того, стимулом для представления одних значений как производных от других служит обычный принцип экономии описания. Например, если представить потенциальное значение НСВ как разновидность многократного, то все условия, препятствующие реализации второго, автоматически переносятся на первое.

2. Противопоставления, выражаемые контекстом

Контекст, в котором у граммы НСВ возникает то или иное частное значение, может быть лексический (иногда это семантический тип слов, иногда — словарный список), синтаксический (он создается наличием того или иного элемента — скажем, обстоятельства времени или кратности — в том же предложении) и ситуативный (значение, выражаемое в соседнем предложении, является для данной видовой формы скорее ситуативным контекстом, чем синтаксическим). Разные типы контекста могут быть эквивалентны, т. е. создавать условия для реализации одного и того же частного значения НСВ.

Первое контекстное противопоставление, влияющее на значение граммы НСВ, — это противопоставление "многократность vs. единичность". Оно может выражаться ситуативным контекстом:

- (1) а. — Что это они там делают? — Они разжигают костер ["единичность"];
 б. — Что делают туристы, чтобы приготовить пищу? — Они разжигают костер ["узуальность", т. е. "многократность"];

синтаксическим (ср. адвербиал *каждый день*):

- (2) Они *каждый день* разжигают костер;

и лексическим (глагол *ходить* моторно-кратный):

- (3) Он сам *ходит* в магазин.

Если многократность выражается лексически, то однозначность достигается в пределах словоформы; если синтаксически, то в пределах предложения, а если контекстом ситуации, то предложение остается неодно-

значным. Подчеркнем, что и значение однократности у граммымы НСВ тоже требует определенного контекста, хотя и отрицательного — отсутствия контекста многократности.

Второе контекстное противопоставление — "синхронная vs. ретроспективная точка отсчета". Оно требует более подробного обсуждения. Фраза

(4) На стене справа висела картина (пример из Апресян 1980а: 33)

допускает два понимания: одно с синхронной точкой отсчета (картина находится перед глазами наблюдателя в описываемый момент в прошлом), актуально-длительное, а другое — с ретроспективной (говорящий помнит, что когда-то висела картина, но в описываемый момент не висит), общефактическое.

Понятие "точка отсчета" (point of reference), которое было введено в 1947 г. Г. Рейхенбахом (Reichenbach 1947: 289), противопоставлено более давнему и более активно используемому в семантике понятию "момент речи" и демонстрируется лучше всего на англ. Past Perfect. В предложении I had mailed the letter when he came прош. время придаточного when he came выражает предшествование ситуации 'he came' моменту речи и переносит точку отсчета в прошлое; после этого в главном предложении надо употребить уже не Past Indefinite, а Past Perfect. Иначе говоря, обязательное условие для употребления Past Perfect — наличие точки отсчета, отнесенной в прошлое. Present Perfect предполагает точку отсчета в настоящем и, в отличие от простого прошедшего, не порождает точки отсчета, отнесенной в прошлое. Отсюда неправильность фразы *I had mailed the letter when he has come: поскольку Present Perfect предполагает точку отсчета в настоящем, то во фразе не возникает той точки отсчета, отнесенной в прошлое, которая создает необходимое условие для употребления Past Perfect, см. о точке отсчета подробнее в главе II.4.

В применении к славянскому виду идея, близкая к рейхенбаховской, используется в Wierzbicka 1967: длительное значение НСВ, в противоположность общефактическому, Вежбицка называет синхронным (the contemporaneous meaning). Общефактическое значение НСВ определяется, однако, без обращения к точке отсчета, т. е. парное понятие ретроспективного значения отсутствует.

Понятие точки отсчета практически совпадает с понятием момента наблюдения, которое используется в работе Гловинская 1982: 128 для описания смыслового противопоставления актуально-длительного и общефактического значения НСВ в одном частном контексте — при наличии обстоятельства времени. Автор полагает, что общефактические значения в целом несовместимы с обстоятельством времени, но в предложении *В этом ущелье с июля по ноябрь геологи искали алмазы* значение НСВ общефактическое, поскольку описываемое событие предшествует моменту наблюдения. На самом деле точка отсчета, она же — момент наблюдения, важна для семантики вида не только в этом контексте, но и во всех других. Значение НСВ, представленное примером выше, мы называем не общефактическим, а дуративным. Дуративное значение, как и общефактическое, имеет ретроспективную точку отсчета.

Зависимостью от ретроспективной точки отсчета объясняется тот примечательный факт, что общефактическое значение вида невозможно у

глагола в настоящем времени, где точка отсчета совпадает с моментом речи и однозначным образом синхронная.

Если при НСВ точка отсчета может меняться, то при СВ точка отсчета всегда ретроспективна по отношению к ситуации, обозначаемой глаголом; при этом она синхронна итоговому состоянию (результату) ситуации. Например, нельзя сказать *Мой дядя сломал ногу*, если он сломал ногу, будучи ребенком, поскольку высказывание несет импликацию, что нога сломана в точке отсчета, которая в данном случае совпадает с моментом речи, см. подробнее о перфектном значении СВ в главах I.9 и II.4.

В предложении (4), с синхронной точкой отсчета при прош. времени глагола, категория времени имеет вторичную функцию. В самом деле, нормально ситуация, обозначенная глаголом в прош. времени, предшествует моменту речи, а если точка отсчета задается моментом речи, то и точке отсчета. Синхронная точка отсчета в (4) возникает в силу того, что можно назвать нарративным режимом интерпретации. Нарративный режим (эпический стиль) характеризуется тем, что отношение текста к речевой ситуации, а следовательно, и к моменту речи, для него не существует, ср. Forsyth 1970: 182; Бенвенист 1974: 271. Парным к нарративному прош. является наст. историческое, которое тоже не выражает, в отличие от обычного наст. времени, совпадения с моментом речи. Противопоставление "настоящее vs. прошедшее" преобразуется при нарративном режиме в дейктическое противопоставление "ближнее vs. дальнее".

В обычном диалогическом, или речевом, режиме момент речи широко используется для временной локализации ситуации. В предложении, не содержащем обстоятельства времени, время отсчитывается от момента речи: грамматическое время глагола характеризует время действия как синхронное моменту речи в случае наст. и предшествующее в случае прош. времени. В интерпретации предложения с обстоятельством времени участвуют и момент речи, и точка отсчета. Например, во фразе *В мае 1962 года я уже приехал в Воронеж* точка отсчета синхронна состоянию, наступившему с мая 1962 года (а не моменту речи, как было бы во фразе *Я уже приехал в Воронеж*), тогда как прош. время характеризует это состояние как предшествующее моменту речи.

Для глагола в наст. времени (в его первичной, т. е. диалогической функции) ретроспективная точка отсчета невозможна. Поэтому показатели ретроспективной точки отсчета надо искать в предложениях с прош. временем (буд. время и неличные формы глагола мы здесь не рассматриваем). Есть три фактора, способных фиксировать точку отсчета.

Первый — это режим интерпретации. Некоторые слова и элементы языка (например, дейктические слова типа *вот*) однозначно характеризуют предложение как включенное в речевой режим, а в нем прош. время имеет первичное значение предшествования моменту речи; отсюда ретроспективная точка отсчета. Например:

(4') *Вот* на этой стене висела картина.

Слово *я*, в отличие от *вот*, не определяет точку отсчета однозначно, поскольку возможно и в нарративе.

Включенность предложения в диалогический режим иногда почти однозначно задается его коммуникативной характеристикой. Отсюда тот факт, что утвердительное предложение может допускать обе точки отсчета, а соответствующий вопрос — одну. Так, фраза *Петя решал задачу* неоднозначна: то ли ситуация наблюдается из некоторой точки, "дальней", но синхронной по отношению к ситуации, то ли точка отсчета совпадает с моментом речи, т. е. ретроспективная. А вопрос *Петя решал ↑ задачу?* имеет однозначно ретроспективную точку отсчета¹. Впрочем, при соответствующем усложнении контекста и вопрос может войти в нарративный режим, так что точка отсчета станет синхронной, ср. диалог:

А. У попа была собака.

В. А он ее любил?

Второй фактор, влияющий на точку отсчета, — обстоятельство времени или кратности.

а) Обстоятельства длительности, задающие интервал, на протяжении которого действие продолжалось и закончилось (*Я гулял в течение двух часов; Я гулял с десяти до двенадцати*), в своем большинстве исключают синхронную точку отсчета. Поэтому фразы *Я гуляю в течение двух часов; Я гуляю с десяти до двенадцати*, содержащие такое обстоятельство при глаголе в наст. времени, могут пониматься только как обозначения узуального действия.

б) Обстоятельства кратности, в том числе однократности, исключают синхронную точку отсчета, т. е. возможны, вне контекста узуальности, только в прош. или буд. времени, ср. *Я сегодня два раза гулял с собакой*.

в) Обстоятельство времени ("Когда?") в позиции темы обычно фиксирует синхронную точку отсчета; при этом в составе интервала времени, обозначенного обстоятельством, выделяется имплицитный интервал меньшей протяженности, ср.:

(5) *Вечером* я писал отчет. Позвонил телефон [в некоторый момент вечера]²;

В прошлом году я отдыхал в Пицунде. Однажды мы шли по пляжу [в некоторый момент прошлого года].

При нетематической позиции обстоятельства точка отсчета обычно ретроспективная:

Я передавал ему журнал *в два часа*.

г) Адвербиалы типа *все еще, по-прежнему, все больше (все сильнее и проч.)* предполагают длящееся состояние и служат, следовательно, однозначными показателями синхронной точки отсчета:

Костер горел *все ярче*.

д) Обстоятельство времени, в своем значении содержащее ретроспективу, т. е. указывающее на прошлое в его отношении к настоящему, может

¹ Знаки \ и / фиксируют фразовое ударение: \ — каденция (главное фразовое ударение), / — восходящее ударение, антикаденция по Карцевскому.

² Принимается следующее соглашение об использовании скобок: в угловые скобки заключается выражение, составляющее языковой контекст рассматриваемого слова; в квадратных скобках даются метаязыковые пояснения.

содержать своего рода акцент на настоящем и не переносить точку отсчета в прошлое, даже будучи в тематической позиции. Так, во фразе *Раньше к нему заходили товарищи* точка отсчета ретроспективная.

Третью группу факторов составляет лексическое значение глагола, которое тоже может фиксировать точку отсчета. Так, глагол *видеть* в "зрелищном" значении (Апресян 1980а: 68) допускает только ретроспективную точку отсчета: можно сказать *Я видел по телевизору "Галатею"*, но нельзя **Не мешай, я вижу по телевизору "Галатею"*. То же для *слышать*, ср. *Я слышал (*слышу) эту новость*, ср. в Lehmann 1989 историческое объяснение семантической специфики глаголов *видеть* и *слышать*, которые сохранили древнее неразличение видов. Аналогично ведут себя многие глаголы с компонентом говорения: возможно *Он называл соседа гуском*, *Он отмечал недостатки в работе торговой сети*, но невозможно *Он называет соседа гуском*, *Он отмечает недостатки в работе торговой сети* в ответе на вопрос "Что он там делает?". К глаголам, допускающим, напротив, только синхронную точку отсчета, относятся *белеть*, *чернеться*, см. об этом в иных терминах в Булыгина 1982: 15.

Итак, мы рассмотрели два признака контекста, от которых зависит значение граммы НСВ, — это кратность и точка отсчета. Синхронная точка отсчета сочетается с обоими значениями признака кратность: группа I — это синхронные однократные значения (т. е. значения, возникающие в контексте синхронной точки отсчета и при отсутствии контекста многократности), а группа II (за вычетом значения 3) — синхронные многократные. Узуальное значение совместимо как с синхронной точкой отсчета (*Я сейчас каждый день гуляю с собакой*), так и с ретроспекцией (*Ведь я тогда каждый день гулял с собакой*). Что касается группы III, то ее составляют ретроспективные значения: все так называемые общефактические значения НСВ — это значения, возникающие в контексте ретроспекции. Дуративное значение тоже исключает синхронную точку отсчета (см., впрочем, уточнения в главе 11).

При синхронной точке отсчета нейтрализация противопоставления по кратности невозможна — фраза *Они разжигают костер* неоднозначна: то ли сейчас, то ли узуально. Между тем при ретроспекции это противопоставление легко нейтрализуется — возникает третье значение 'по крайней мере однажды', ср. *Я купался в горном озере; Вы купали этот сыр?*

Различия внутри групп I, II и III порождаются своими, более частными признаками контекста. Ниже мы рассмотрим подробно общефактические значения НСВ: для каждого из четырех общефактических значений мы покажем, как их толкования возникают из толкования НСВ в актуально-длительном значении (НСВ акт.) — в контексте, характеризующемся ретроспективной точкой отсчета, а также рядом других признаков, своих для каждого из четырех значений (в каждом значении рассматривается только однократный случай; подробнее о многократности см. в главе 2). Предварительно — несколько слов об НСВ акт.